

На правах рукописи

Невшупа Ирина Николаевна

**РОМАН Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПОДРОСТОК»:
ТИПЫ И АРХЕТИПЫ**

Специальность 10. 01. 01 - русская литература

**Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук**

Краснодар – 2007

Работа выполнена на кафедре истории русской литературы
Государственного образовательного учреждения высшего
профессионального образования
Кубанский государственный университет

Научный руководитель доктор филологических наук, профессор

Попов Владислав Павлович

Официальные оппоненты доктор филологических наук, доцент
Татаринов Алексей Викторович
кандидат филологических наук, доцент
Крижановский Николай Игоревич

Ведущая организация Краснодарский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится 13 ноября 2007 года в 14 часов на заседании
диссертационного совета Д 212 101 04 при Кубанском государственном
университете по адресу 350018 Краснодар, ул Сормовская, 7, ауд 309

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Кубанского
государственного университета

Автореферат разослан «06» окт. ефр. 2007 г

Ученый секретарь диссертационного совета

кандидат филологических наук, доцент

М А Шахбазян

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Актуальность темы. Из всех произведений Достоевского, пожалуй, наименее исследованным является роман «Подросток» почти совсем нет крупных работ, посвященных этому тексту Отчасти это обусловлено тем, что некоторые исследователи (например, Г Померанц) считают этот роман явной неудачей писателя Но на многочисленных примерах было подтверждено, что так называемые «неудачи» Достоевского всегда оказываются неудачами его интерпретаторов Так как для Достоевского главными вопросами всего его творчества были вопросы религиозно-нравственных исканий, то и в работах, посвященных исследованию «Подростка» большое внимание уделяется именно им Аспект религиозно-нравственных исканий Достоевского подробно представлен в трудах русских философов (К Леонтьева, В Соловьева, Д Мережковского В Розанова, Н Бердяева, Л Франка, С Булгакова, И Ильина) - без знания работ этих мыслителей наше представление о Достоевском было бы, конечно, неполным Но упомянутые исследователи, обращаясь к анализу романа, затрагивали проблемы преимущественно религиозного, социально-политического и идеологического характера, практически полностью игнорируя аспекты собственно художественные Кроме того, восприятие романа существенно «искривлялось» идеологической позицией интерпретаторов в советский период Критиков, за редким исключением (М Бахтин, Н Савченко, В Ветловская, А Долинин, Э Демченкова), практически не интересовали авторские приемы композиции, специфика повествовательной манеры, жанровые особенности, функция многочисленных символических образов и мотивов романа Между тем, по определению самого писателя, роман был задуман как произведение "литературы красоты" Наш подход к анализу текста романа позволяет, с одной стороны, обнаружить комплексы смыслов, не выявленных прежде, а с другой – осмыслить произведение как художественную целостность Популярные внешние объекты анализа романа «Подросток» - идеологический контекст история создания, религиозные presuppositions – рассматриваются в работе сквозь призму внутренней

организации текста, а именно – через типологию образной системы романа, что является весьма актуальным, учитывая «полифонию» текста Достоевского

Научная новизна исследования заключается в разработке и применении при анализе образной системы романа «Подросток» методов архетипического и мотивного анализов. В настоящей работе впервые ставится вопрос об архетипе «подростка» и способах его функционирования в поэтике Достоевского

В последние десятилетия предметом внимания литературоведов стали такие принципы романного мышления писателя, как универсализм, бинарность, а также лейтмотивность. Уточнению и конкретизации этих принципов поэтики Достоевского посвящена и наша работа. Предлагается прочтение романа Достоевского «Подросток» с точки зрения своеобразия типологии образной системы организации текста. Незнанием этого романа как явления художественного и необходимостью включения его в сферу активного научного поиска определяются тема, цель, актуальность и новизна настоящей работы.

Объектом исследования является четвертый роман «великого пятикнижия» Достоевского, «Подросток». **Предметом** – функциональные и семантические трансформации типов и архетипов образной системы романа.

Цель исследования заключается в определении философско-религиозных закономерностей, обусловивших специфическую для Достоевского типологию образной системы романа «Подросток», принципы организации структуры типов и архетипов, с установкой на интерпретацию семантики образов в контексте значительного корпуса произведений писателя.

Исходя из цели, формулируются следующие **задачи** исследования:

- 1) абрис и научное объяснение терминологического поля исследования (архетип – инвариантный тип – мотив),
- 2) описание структуры архетипа «подростка» в романе через характеристику семантики доминантных мотивов и механизмов их сцепления друг с другом в контексте современной психоаналитической теории,
- 3) систематизация научных знаний о типологии персонажей Достоевского,

принципах организации инвариантных типов в романе, интерпретация семантики “антиномического” и “смирненного” типов героев, инвариантных для поэтики Достоевского,

- 4) включение в мотивный анализ произведения литературного и культурного контекста с целью увидеть роман “Подросток” в системе возможных интертекстуальных отношений, демонстрирующих полноту смысла его образно-идеологической системы,
- 5) определение своеобразия поэтики жанровой стратегии романа «Подросток» как романа воспитания

Теоретико-методологическая основа диссертации. Формируя исследовательский инструментарий, мы учитываем разнообразный по целям и принципам опыт работы с категориями типа, архетипа, мотива. В основу представлений об этих категориях и их методологических возможностях положены идеи и приемы ученых разных научных школ: А. Скафтымова, Ю. Лотмана, Б. Гаспарова, Е. Мелетинского, Ю. Доманского, А. Жолковского, В. Тьюпы, И. Силантьева и др.

Кроме того, значимыми являются идеи отечественных и зарубежных исследователей, связанные с изучением поэтики романного творчества Достоевского и поэтики его произведений (В. Топорова, Л. Бэлнепа, А. Долинина, В. Кантора, Ю. Селезнева, Ю. Карякина, В. Кирпотина, В. Кожина, В. Попова). В процессе формирования концептуальных положений работы автор диссертации опирался на критические высказывания о романе Достоевского «Подросток» Н. Бердяева, Д. Мережковского, Т. Манна, И. Солженицына, Ст. Рассадина и др.

Приоритетными являются следующие **методологические стратегии**

- **Метод мотивного анализа.** Обобщая отечественный опыт интерпретации и анализа литературных произведений через категорию мотива, признаками мотива диссертант считает повторяемость, вариативность, повышенную семантическую значимость. Анализируя мотивный состав того или иного типа или архетипа, автор работы исследует принципы взаимодействия

мотивных значений в ткани произведения. Суть мотивного анализа состоит в том, что за единицу анализа берутся не традиционные термины - слова, предложения, - а мотивы, основным свойством которых является то, что они, будучи кроссуровневыми единицами, повторяются, варьируясь и переплетаясь с другими мотивами, в тексте, создавая его неповторимую поэтику. Такое изучение законов мотивной организации произведения, по мнению диссертанта, максимально отвечает цели работы – научному освоению материала, который ранее целостно с точки зрения поэтики практически не изучался.

- **Психоаналитический метод** литературное произведение рассматривает и психические свойства личности как проявление психического склада автора, шире – вообще художественное творчество как сублимированное символическое выражение изначальных психических импульсов и влечений, отвергнутых реальностью и воплощенных в фантазии. Если фрейдистский психоанализ нацелен на выявление биографической подоплеки художественной деятельности, то психоанализ К.Юнга (**архетипический метод**) исследует не индивидуальное, а национальное и общечеловеческое подсознание в его неизменных образных формулах – архетипах. В центре здесь не личность творца, а сверхличностная внесознательная символика самые общие внеисторические феномены пространства и времени, физическая и биологическая субстанция, стихии. Обращение к архетипу “подростка” в одноименном романе диктует применение метода архетипического анализа текста. Принципы литературоведческой психоаналитики, достаточно укоренившиеся в системе современного гуманитарного знания, дополняются опытом применения биографического метода литературоведческой науки, в основе которой лежит представление о выражении в творчестве автобиографических событий и склада личности писателя в ее реальных жизненных связях. Применение этого метода позволяет дифференцированно учитывать большой корпус работ, интерпретирующих тексты писателя в плане выражения психических

свойств его личности и мирозерцательных установок

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что она демонстрирует взаимодействие принципов мотивного и архетипического анализов текста в русле современного психоаналитического направления в литературоведении

Практическая ценность работы в том, что результаты исследования могут найти разнообразное применение при разработке общих и специальных учебных курсов по русской литературе в вузовской и школьной практике преподавания, в руководстве научной работой студентов, включая написание курсовых и дипломных работ. Ее материалы и концепция могут быть использованы в дальнейшей научной разработке проблем анализа и интерпретации художественных произведений, в исследованиях текстов, созданных Ф. Достоевским

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) в произведениях Достоевского понятие «подросток» выступает как ценностно значимый компонент его художественной системы и несет определенную и незаменимую функцию – это не столько обозначение возраста, сколько определение характерного этапа на пути человека к истине, ценность которого очень высока и связана с многоуровневым семантическим блоком «уединенное сознание – двойничество – испытание идеей» - комплексной идеологемой творчества писателя,
- 2) интерпретация семантики архетипа «подростка» в художественном тексте не может опираться только на нормативы быта и стандарты культуры, но должна быть основана на значениях, которые «работают» в художественной системе самого Достоевского. Состояние «подростка» - своеобразная этико-онтологическая реальность, принципиально промежуточное состояние между «золотым веком» мира детства и миром духовно-просвещенных «детей» - старцев. С такой точки зрения реальный возраст героя не имеет значения - в художественном хронотопе «подростковый период» может быть растянут во времени и отнюдь не всегда прямо связан с определенным

возрастом персонажа,

- 3) архетип «внутреннего подростка» выполняет разнообразные функции в бытийном пространстве метатекста писателя и определяет специфику и структуру образов персонажей, не подходящих под подростковый возрастной ценз. Для него характерны инвариантная ситуация конфликта «Лица и Мира» (Кирпотин), «героя и целого (романа)» (Топоров), доминантный мотив «перерастания» себя – тенденция актуализации, врожденное стремление человека актуализировать и интенсифицировать себя. Отсюда – как насущная функциональная необходимость – появляется и соответствующий характер героя, который определяется как этико-онтологический «подросток», существо, с уходом детства потерявшее и ищущее свое место в системе мироздания, переживающее свой путь к истине как процесс «роста» или «возрастания» («взросления»),
- 4) коррелятом к архетипу «внутреннего подростка» выступает архетип «ребенка». Дети в христианской картине мира – существа, глубоко пережившие свою связь с Богом, владельцы бесценного имманентного опыта, вместе с тем еще не осознавшие смысла и назначения этой глубинной связи со всем Сущим. Характерно, что сам Достоевский настойчиво проявляет у любимых своих героев (Алеша Карамазов, князь Мышкин) черту «детскости», репрезентирующей архетипические черты ребенка, а не подростка. Для Достоевского ребенок – это «образ Христов на земле»,
- 5) в метатексте Достоевского можно выделить два инвариантных типа, обладающих устойчивой внутренней организацией, репрезентируемой системой устойчивых мотивов и идеологием
 - «антиномический» тип объединяет Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова – героев, семантика образов которых определяется мотивами двойничества, эгоизма, гордости / рабства, извращения идей и нравственных убеждений, гордыни, бесовства и шутинства, идеи человекобога. Каждый из мотивов, в свою

очередь, реализуется множеством конкретных фрагментов текста
Амбивалентность - конструктивный принцип организации семантического пространства героя такого типа,

- «смиранный» тип сближает образы Мышкина, Тихона, Макара Долгорукого, Алеши Карамазова с архетипом Христа, через мотивы детскости, благообразия, праведности, прощения, идеал морали, красоты, любви, глубинный идеал свободы,

б) авторская «архетипика» Достоевского рождена конкретной культурно-исторической ситуацией семейно-социальный и лично-психологический хаос «порепорченной» России, атмосфера всеобщего беспорядка и разложения, нравственный хаос революционных деятелей, «кризис веры» в литературе и искусстве Писатель извлекает из этой ситуации все возможные смыслы, но не ограничивает их рамками эпохи, а, переплавляя в топику «болезни души», придает им эсхатологическую окраску

Апробация работы. Основные положения диссертации были изложены в докладах на региональной научно-практической конференции «Достоевский и современность» (Армавир, 2001), международной научно-практической конференции «Наследие В В Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии» (Армавир, 2002-2004), XXVIII научной конференции молодых ученых юга России (Краснодар, 2005) Содержание диссертации отражено в 5 опубликованных статьях

Структура диссертации. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения и библиографического списка, включающего 210 наименований
Общий объем диссертации - 180 страниц

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** освещается степень изученности проблемы в достоевковедении, обосновываются актуальность и новизна диссертации, определяются цель и задачи, указываются методы, объект и предмет исследования, обосновывается терминологическое поле работы

Первая глава работы («Подросток» - роман воспитания: «память жанра» и структурно-содержательные новации») посвящена изучению сюжетно-жанровой структуры текста, соотносимой с «каноническим» романом воспитания Возобновляясь в новых формах, иными словами, постоянно "смещаясь", жанр романа воспитания предполагает и нечто устойчивое и неизменное Это то, что М Бахтин называл "памятью жанра" Образно это можно было бы представить так в структуре изучаемого произведения собственно жанра романа воспитания нет, но есть "тень", которую этот жанр отбрасывает Каким бы неузнаваемым нам ни казалось жанровое лицо того или иного произведения, "память жанра" в нем все равно остается она образует тот устойчивый фон жанровой традиции, на котором отчетливее проявляются возникающие структурно-содержательные новации «Роман воспитания» - повествование, в основе которого лежит история стадийного развития личности (отсюда – «линейный» тип времени), чье сущностное становление, как правило, прослеживается с детских лет и связывается с опытом познания окружающей действительности Достоевский облекает роман воспитания в форму записок - исповеди, что многократно усложняет художественную задачу романиста, но одновременно расширяет исследовательский потенциал жанра, дает возможность показать процесс становления личности изнутри Выстраивая концепцию личности главного героя, Достоевский активизирует весь арсенал своих психолого-педагогических наблюдений и выводов, точно передавая малейшие движения души Подростка, показывая, как жизненные (то есть внешние) впечатления переплавляются во внутренний опыт, как душа день за днем прирастает ими, взрослеет Каждый эпизод повышает градус душевного напряжения, которое должно обязательно разрешиться если не взрывом, так всхлипом Процесс «взросления» представлен как изменение оптики мироздания Четвертый роман «пятикнижия», с одной стороны, продолжает традиции романа воспитания, с другой – формирует новую концепцию «катастрофического» (хронотоп не линейный, а движущийся скачкообразно «по спирали»), типично «достоевского» становления личности

Во второй главе («Архетип «подростка»: «неготовый человек» Аркадий Долгорукий») рассматриваются структура, функция и семантика художественного знака «подросток» в поэтической системе писателя в контексте архетипической теории

Почти все поступки героя – Аркадия Долгорукого - на протяжении романа вызваны процессом личностной и социальной идентификации. В структуре личности героя выделяются три не изолированные друг от друга мотивационные линии: желание сблизиться с людьми (усвоение норм человеческих отношений), обретение семьи и реализация идеи. Сюжет-интрига дополняется *историей становления* нового языка, «подрастающего» личного дискурса. Генератором этого процесса служит само слово «подросток», выступающее в романе как поэтический троп, «живая метафора», заключающая в своем семантическом составе определенную двусмысленность: «под» (почва, земля, грунт, движение вниз, падение) и «рост» (расти, движение вверх, подниматься, вставать). Кроме того, «становящийся» дискурс имеет в тексте романа специфическую для поэтики Достоевского форму «исповеди», которую можно рассматривать как психологический анализ, транслирующий этапы взросления в истории становления героя. Исповедь произносится в критический момент душевной жизни, когда герой не в силах сдержать накопившиеся переживания. Достоевский долго искал «тон» записок подростка, добываясь того, чтобы буквально был слышен молодой, еще ломкий голос формирующейся на наших глазах личности Аркадия Долгорукого, поэтому в стиле исповедального слова проявляются возраст и характер Подростка.

В первом разделе второй главы («Испытание идеей») рассматривается главная теория героя и особенности ее репрезентации в романе. В сознании подростка А. Адлер обнаруживает некую идею-фикцию, согласно которой он строит свое поведение, рассчитывает свои поступки, действия, старается освободиться от мучительного чувства неполноценности, заводит механизм компенсации и самозащиты. Элитарная идея Ротшильда явилась

контрапунктом в сознании Аркадия Долгорукого, объединив в себе все явные и скрытые желания и в то же время выступив в функции защиты личности героя от процессов деперсонализации. Увлечение этой идеей говорит о нравственной незащищенности героя. Идея Ротшильда, построенная сознанием Подростка в глубоком подполье, — «логические выводы, обращенные в сильнейшие чувства, которые захватывают все существо», - выступает как защитный механизм («крепость» и «уединение»), спасающий обостренное чувство «я» героя. Аркадий пытается остро переживаемое чувство неполноценности по механизму замещения, противоположения трансформировать в идею-фикцию, дарующую ему уверенность, независимость, свободу проявления. Вынужденный дефицит общения вызывает к жизни «подпольное сознание» с сопутствующим комплексом чувств. Защитные механизмы психики подростка рождают в противовес унижению гамму чувств собственного превосходства, презрения и гордости. Узвленное «я» стремится переродиться в гипертрофированное чувство значимости своей личности. Обязательным атрибутом сознания «подпольного» героя является модель идеального мира, в котором жизнь носит игровой характер. Подросток переносит критерий собственной оценки из реального в желаемый мир. Как результат этого, знание героя о себе базируется на выдуманных чертах личности. Необходимым условием выдуманного мира является подмена нравственных оснований эстетикой. Вымышленный мир непременно должен быть красивым. Бессознательное стремление ребенка к образу отца оформляется в красивый фантастический идеал мимолетного эстетического впечатления. Инстинктивно чувствуя нечистоту своего идеала, Аркадий пытается найти замену ему у отца, Версилова, живописующего картину «золотого века» — общества добродетельных людей без Христа. Появление в семье Макара Долгорукого, его «умилительные» беседы, праведная смерть оказываются сильнейшим впечатлением, поселяющим в душе подростка жажду благообразия. Происходит очищение «нечистого идеала», свидетельством чего становится отказ от шантажа, а результатом — появление записок.

Роман “Подросток” отмечен оригинальной фабулой – “переменчивым романом между отцом и сыном” (А Солженицын) Современный психоанализ утверждает, что социальные отношения между ребенком и родителями являются решающим фактором в развитии личности Архетип «подростка» диктует устойчивые оппозиции – одной из таких оппозиций будут отношения отец / сын

Второй раздел второй главы диссертационного исследования «**Мотив «случайного семейства»**» посвящен изображению в романе деградации и распада семейных отношений, являющейся метафорой хаоса в жизни «пореформенной» России на личном и коллективном, интеллектуальном, бытовом и особенно семейном уровнях Выросший без обоих родителей, герой оказывается лишен первого для него сообщества — семьи Ситуация осложняется тем, что для сознания подростка образ отца раздваивается есть отец «юридический» и есть «фактический» Герой чувствует себя социально деклассированным, фамилия Аркадия – “просто Долгорукий” – исключает его из культурно-исторического пространства общества Настоящая семья (а не «случайное семейство») для Достоевского всегда способ борьбы с хаосом, энтропией, индивидуалистической замкнутостью в себе Человек Достоевского — это «вечный подросток» может быть, так сложив из двух названий его произведений одно, удастся передать главное в подростке есть и дурное и благое, но самое важное - это стремление вырасти, подняться над собой Можно связать это естественное стремление юности с мотивом движения вверх – синонимом трудного рождения, который так часто встречается у Достоевского

В третьем разделе второй главы исследования («**Внутренний подросток»** и архетип «ребенка») поставлена задача «увидеть» архетип «подростка», определяющий специфику и структуру образов- персонажей, в принципе перешагнувших подростковый возрастной порог Для героев- идеологов, обладателей «уединенного» сознания, единственной реальностью, с точки зрения восприятия человека, является субъективная реальность Центральное

место в этом субъективном мире принадлежит Я-концепции, в соответствии с которой большей частью ведут себя персонажи

В качестве образца «духовного» здоровья описываются герои, которые открыты другим, полностью доверяют им и свободно движутся в направлении актуализации себя (Мышкин, Тихон, Макар Долгорукый, Алеша Карамазов) Такие герои в системе инвариантных типов Достоевского являются обладателями «диалогического» сознания», а в терминах психоанализа называются «полноценно функционирующими» Писатель открыл доступ к процессу самосозидания, когда преодоление рубежности, напряженности существования на границе разных сфер, миров – через приобщение к детскому цельному мировосприятию, становящемуся всеобщим углом зрения, предпосылкой творчества, – возвращает читателю глубинное чувство земли, рода, дома

Наряду с «архетипами» теории литературы и искусства часто пользуются понятием «типа», вкладывая в него представление о конкретно-исторических закономерностях, обобщенных в художественном произведении Если в архетипическом проявляется самый нижний, доисторический, вневременной пласт «коллективной души», то в типическом запечатлен ход истории. предстающей в своих социально обусловленных и конкретных проявлениях

«Инвариантный» тип поэтики Достоевского репрезентирует наиболее общий семантический инвариант «повторяющихся образов» (Ахматова) и «постоянных организующих принципов» (Якобсон) Инвариантный тип – это максимально обобщенный образ неоднократно воспроизводящийся в произведениях писателя и воплощающийся в ряде мотивов, которые также имеют тенденцию к постоянству, эти устойчивые мотивы, готовые семантические блоки, используемые на разных этапах деривации, становятся инвариантными мотивами данного автора Они в свою очередь могут по-разному совмещаться друг с другом В результате всего этого ветвления и совмещения выражение инвариантного типа оказывается крайне

многообразным и изобретательным В нашей работе мы выделяем и рассматриваем два типа - «антиномический» и «смирренный»

«Антиномический» тип объединяет Раскольникова, Свидригайлова, Ставрогина, Версилова, Ивана Карамазова – героев, семантика образов которых определяется мотивами гордости / рабства, извращения идей и нравственных убеждений, гордыни, бесовства и шутовства, идеи человекобога Каждый из мотивов, в свою очередь, реализуется множеством конкретных фрагментов текста

«Смирренный» тип сближает образы Мышкина, Тихона, Макара Долгорукого, Алеши Карамазова с архетипом Христа, через мотивы детскости, благообразия, праведности, прощения, идеал морали, красоты, любви, глубинный идеал свободы

Третья глава («Инвариантные типы и их мотивы-репрезентанты в романе «Подросток») состоит из двух разделов, в которых рассматриваются концептуальные и частные мотивы «инвариантных» для метатекста Достоевского типов - «антиномического» («хищного», «рефлектирующего», «идеологического», «философствующего») и «смирренного» («ангелического», «хриstopодобного», «праведника»)

Первый раздел третьей главы («Версильов: «антиномический тип») посвящен описанию излюбленного для Достоевского психологического типа, который он более всего изучает и воспроизводит - типа «антиномического», в центре которого сосуществуют, борются два противоположных чувства, убеждения Писатель называл это «широкостью» и не считал это качество положительным Он хотел бы освободить героев от такой «широкости», сделать цельными, нравственно здоровыми

Настоящий раздел включает три подраздела («Мотив двойничества», «Мотив скитальчества», «Мотив эгоизма, гордыни и бесовства»), репрезентирующих мотивную структуру образа Версильова

То, что различные исследователи творчества Достоевского называют двойничеством Версильова, - это метание между атеизмом и жадой и поиском

веры Д С Мережковский говорит, что «тайна Версилова есть тайна Ставрогина и самого Достоевского – вечная тайна раздвоения» Жажда идеала и отсутствие веры, рождающие безмерную гордость и безмерное презрение к себе, обуславливают тщетность попыток героя «смирить себя» Самосовершенствование, как выбор «благообразия» при столкновении с действительностью, оборачивается требованием подчинения, «безобразием» Расколота икона символизирует отрыв «высшего культурного слоя» - дворянства - от народа, от «почвы», начало которому, по Достоевскому, положила петровская эпоха Версилов, таким образом, является носителем некоей «метафизической вины», поскольку его личной вины в этом разрыве двух начал нет Более того, он стремится слить воедино народ и дворянство Но, поправ святыню Макара (шире, по Достоевскому - народную святыню), он закрывает для себя этот путь

Второй раздел третьей главы ("**Макар Долгорукий: «смиренный» тип**") очерчивает инвариантный для поэтики Достоевского тип праведного и цельного героя, благополучно прошедшего «подростковый период» и сумевшего «примириться» с собой и с окружающим миром В двух подразделах этой главы («**Мотив благообразия**» и «**Мотив странничества**») описывается репрезентация этого типа в романе «Подросток»

Макар - носитель народной правды, духовный отец Подростка,- дал ему свою фамилию (Долгорукий), которая должна обозначать, по мысли Достоевского, грядущий «синтез» народной правды и государственной власти

В тексте романа «Подросток» значение образов Версилова и Макара Долгорукого выявляется последовательно проведенным противопоставлением «скиталец» - «странник» каждый на своих путях которые пересекаются в перспективе будущего Версилов - европейский «скиталец» Скиталец - человек странствующий без цели, не по своей воле Макар Иванович – странник-богомолец (молящийся, приносящий Богу молитву, посещающий с этой целью святые места, пилигрим, паломник) Макар Долгорукий, в отличие от Версилова, странствует по миру с целью найти истинного Бога и

проповедовать его

Соотносятся герои и на иных уровнях текста параллельны вставные новеллы — «афимьевская быль» Макара и романтический пейзаж «золотого века» Версилова

Особенно показательное сопоставление манеры общения «отцов» многократно подчеркиваемая другими персонажами проповедническая интонация «пророка» Версилова, блестяще оформляющего свои мысли, и беседа Макара Долгорукого, характеризующаяся как «разговор в кружке» Аркадий неоднократно отмечает образность речи своего «духовного» отца и ее внерациональность

Однако архетипическим и типическим не исчерпывается содержание культурных форм и художественных образов, взятых в их предельной обобщенности. Если в архетипе общее предшествует конкретному, то в типе — сосуществует с ним. Все, что ни возникает, имеет свой сверхобраз в будущем, о чем-то пророчит или предостерегает. «Типы» Достоевского — это не просто комплекс социально характерных, «типических» черт, а архетипы — не только «издревле заданные формулы» (так Т. Манн) — Это образы, через которые проходит новая культурная семантика

Психоаналитическая конкретика, искусно подобранная в романе «Подросток», — процесс «уединения», замыкания в рамках собственной идеи, как заболевание души, снабжающей организм светом и воздухом, самыми тонкими и «бестелесными» из всех субстанций, — обеспечивает выход к художественной метафизике духа (Стоит ли напоминать, что «свет» и «воздух» как в метафорическом, так и в прямом значении — самый серьезный дефицит в текстах Достоевского: темные углы «мертвых» съемных квартир, духота замкнутого пространства комнат и города)

«Один голос ничего не кончает и ничего не разрешает. Два голоса — минимум жизни, минимум бытия» (М. Бахтин). Теперь обратимся непосредственно к технике совмещения образов как участников диалога. В нашем случае это «слово» Долгорукого и «слово» Версилова. Основное

направление центральных глав романа «Подросток» создается этим диалогом. Этот диалог не прямой, он опосредован Аркадием, ведется как бы через него. Задача исследователя в четвертой главе диссертационного исследования («Полифонизм» Достоевского: совмещение типов») состояла в том, чтобы «увидеть», каким образом диалог «функционирует» в тексте романа на разных уровнях – уровне поэтики и идеологическом уровне.

В первом разделе четвертой главы («Уровень поэтики: оппозиции и диалог») рассматривается техника сцеплений образов «отцов» Аркадия Долгорукого, определяющаяся системой значимых для мировоззрения Достоевского оппозиций: скитальчество / странничество, безобразие / благообразие, дворянство / народ, социализм / христианство. В романе «Подросток» все беседы Аркадия с Версильевым, с Макаром Долгорукиным не имеют никакого отношения к сюжетной линии романа, но идеи, высказываемые в этих беседах, имеют непосредственное отношение к проблематике и центральной идее романа, к характеристике главных образов. М. Бахтин подчеркивал особое взаимоотношение внутреннего и внешнего диалога и вырисовывал основную схему диалога у Достоевского: противостояние человека человеку, как противостояние «я» и «другого». Следует подчеркнуть, что вообще весь роман Достоевского «Подросток» – это внутренний диалог главного героя, через который, как через призму, воспринимаются внутренние и внешние диалоги и монологи остальных героев романа. «Версильев и Макар Долгорукий – это раздвоение одной русской идеи» (Ю. Селезнев).

Во втором разделе четвертой главы («Уровень идеологии: идея «всеединства»») представлена интерпретация одной из основных идей Достоевского, фактически буквально воплощенной на страницах романа «Подросток»: писатель находит здесь новые резервы разрешения проблемы синтеза двух полюсов сознания. Эти резервы обнаруживаются в сфере идеологической. Теория «почвенничества» предполагает соединение двух высших оснований современной жизни: «русской идеи» как синтеза «всех тех

идей, которые развивает Европа в отдельных своих национальностях» (носителем «всемирного гражданства» является дворянство - Версиров), и христианского идеала «всепримиримости» и «всечеловечности», который хранит русский народ (Макар Долгорукий)

Именно в романе “Подросток” Достоевский находит особые художественные возможности для воплощения этой теории. Они кроются в образном строе произведения. Представив Версирова носителем “высшей культурной мысли” и наделив Макара Долгорукого лучшими, исторически сложившимися чертами русского народа, писатель вводит в роман фигуру их общего духовного наследника – Аркадия Долгорукого. Хотя конкретный путь его жизнестроительства в финале произведения остается неясным, однако, по замыслу автора, Подросток сумеет взять лучшее из наследия “отцов”. Таким образом, Достоевский через третий персонаж выходит за рамки двойственной оппозиции, “размыкает” ее изнутри, реализуя мысль о невозможности прямого взаимоперехода предельной цельности и крайнего интеллектуализма – мысль, которая предчувствовалась и Лермонтовым, и Тургеневым, и Толстым.

Образ Аркадия Долгорукого, подростка, «неготового» человека, находящегося в процессе становления личности, с воплощением которого у Достоевского связывались надежды на перемены в будущем, несет в себе черты «синтеза» правды народной и устремлений дворянства, которое по Версирову приобретает качества интеллигенции. Таким образом, идея слияния сословий – «идея слияния народного и «образованного», национального и общечеловеческого. Это, по мнению В. Попова, и есть «возвращение (от цивилизации) в непосредственность, в массу», к жизни в патриархальных общинах, с сохранением всего лучшего, что выработала цивилизация, то есть, по Достоевскому, выход в «Христианское общество».

В заключении обобщены итоги предпринятого исследования. Реннтерпретация творчества Достоевского — это возможность универсализации нового исторического опыта, перспектива, обращенная не к началу, а к концу времен, как растущая смысловая наполненность образов,

созданных писателем

Рядом с отчаянным мотивом одиночества личности во враждебном мире, рядом с темой, выражающей человеческую тоску по осуществлению на земле идеала братства и любви, на протяжении всего романа ощущается настойчивый авторский призыв надо верить в будущее, надо противостоять видимой хаотичности бытия, даже если его противоречия доведены до абсурда. И чем больше действительность пугает своей непостижимостью, тем сильнее звучит озабоченный голос Достоевского: человек должен выстоять, несмотря ни на что, должен сохранить верность своей нравственной природе, каким бы призрачным и непонятным ни представлялся ему мир.

Соответственно для обозначения этих открывающихся измерений человеческого сознания нужны новые исследования, которые «высветили» бы сверхисторическую направленность и универсальность образов Достоевского. Наше исследование находится в русле этого направления: в типах и архетипах Достоевского важно не просто выделить консервативные, охранительные слои, относящиеся к области устойчивой авторской типологии, но и слои динамичные, созидательные, актуальные сегодня.

По теме диссертации опубликованы следующие работы.

- 1 Невшупа И.Н. «Архетип «Подростка» в творчестве Ф.М. Достоевского // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. Аспирантские тетради №17(43). Научный журнал - СПб, 2007 - С. 235-238.
- 2 Невшупа И.Н. Жанровые особенности романа Ф.М. Достоевского «Подросток» // Материалы региональной научно-практической конференции «Достоевский и современность» - Армавир, 2001 - С. 91-94.
- 3 Невшупа И.Н. «Благообразие» Макара Долгорукого и Платона

- Каратаева // Материалы Международной научно-практической конференции «Наследие В В Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии» - Армавир, 2002 - С 127-131
- 4 Невшупа И Н М Бахтин, В Кожин и Ю Селезнев о диалоге, полифонизме и соборности (К методологии исследования романа «Подросток» Ф Достоевского) // Материалы Международной научно-практической конференции «Наследие В В Кожина и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории, философии» - Армавир, 2004 - С 352-357
- 5 Невшупа И Н Общечеловеческое в романе Ф М Достоевского «Подросток» // Материалы научно-практической конференции «Национальное и общечеловеческое в русской художественной и философской мысли в условиях глобализации - Краснодар, 2005 - С 94-100

A handwritten signature in black ink, appearing to be 'Селезнев', followed by a horizontal dash.

Невшупа Ирина Николаевна
Роман Ф. М. Достоевского «Подросток»: типы и архетипы
Автореферат диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Подписано в печать 01 10 2007 г
Формат 60x84 1/16 Бумага офсетная
Гарнитура «Times New Roman»
Печать офсетная Объем 1,1 п л
Тираж 100 экз